

Когда большая толпа с факелами прибыла на место показа фильма, это было впечатляющее зрелище. Однако все были так взволнованы произошедшим, что им уже не до кинокартины. Старая тётя Лян и мама Лян отвели детей на свои места, а третья тётя Лян не смогла сдержать слёз.

Бабушка Лян, чувствуя внутреннее смятение, слегка отчитала её:

— Чего ревьешь? Наша девочка вернулась домой живой и невредимой, а ты распустила слюни, словно хочешь, чтобы над нами смеялись.

Бабушка Лян казалась добродушной и общительной женщиной, но очень дорожила своей репутацией и на людях всегда держалась с достоинством главной в доме.

Она передала Лян Юэ маме Лян, а сама взяла Лян Тин за руку, усаживая её к себе на колени. Но стоило ей коснуться девочки, как та разрыдалась — от боли.

— Что случилось, малышка? Не плачь, бабушка велит маме сварить тебе и сестре яичный суп с сахаром.

Бабушка Лян подумала, что девочка просто капризничает, и начала убаюкивать её, похлопывая по спине. В тусклом свете, да ещё и с её старческой дальнозоркостью, она не заметила, в каком плачевном состоянии находились Лян Сысы и Лян Тин.

— Мама, у Тин на руках раны.

Мама Лян спокойно произнесла, не проронив ни слезинки. Сейчас только начиналась борьба, и она знала, что должна быть сильной ради своих дочерей.

— Что такое?

Бабушка Лян была потрясена. Ранее, чтобы не беспокоить её, ей не рассказали всю правду, ограничившись историей о том, что девочки просто заблудились.

— Сысы, Тин, идите сюда, к дедушке.

Дедушка Лян, поняв, что что-то не так, нахмурился, и было видно, что он готов вспылить.

Обычно дедушка Лян редко вмешивался в разговоры, но его авторитет был непререкаем. Как только он заговорил, Лян Сысы и Лян Тин тут же подошли к нему.

Дедушка Лян передал Лян Цзихэна старой тёте Лян. Мальчик был ещё слишком мал, чтобы понимать происходящее, и, увидев сестёр, начал тянуть к ним ручки, требуя к себе на ручки. Старая тётя Лян взяла его и обменялась с мамой Лян. У мамы Лян не было настроения, поэтому она просто укачивала его, стараясь усыпить. Лян Цзихэн был послушным ребёнком, и после нескольких покачиваний уже начал дремать.

Лян Сысы и Лян Тин были быстро приведены в порядок старой тётей Лян и мамой Лян: косы были переплетены заново, но синяки на лицах стали ещё более заметными. Дедушка Лян, не страдавший дальнозоркостью, взглянул на них и пришёл в ярость.

— Кто это сделал? Неужели в роду Лян никого не осталось? Решили, что я добренький и мне положено всю жизнь терпеть издевательства?!

Дедушка Лян дрожал от гнева. Вся свою жизнь он был терпеливым человеком. В юности,

потеряв родителей, он с трудом выжил благодаря помощи односельчан. Позже, в периоды социальных потрясений, он терпел угнетение, теряя свою землю и имущество. Он был благодарен, смирен и молчалив, но именно поэтому он был так предан своей семье. Всю свою жизнь он был скромным, ради чего? Ради того, чтобы его дети и внуки могли жить лучше. Он не делал больших различий между внуками и внучками и, хоть и не умел выражать свои чувства, это не означало, что он не любил своих внучек.

— Папа, не губите здоровье из-за чужих людей. С ними мы обязательно разберемся по всей строгости, никто из этой шайки не уйдёт сухим из воды. Думают, раз у них есть связи, так можно нас, простых крестьян, в землю вкопать? Великая Цинская династия пала сколько лет назад? А они всё еще пытаются чиновничьим нравом давить людей.

Мама Лян была самой проникательной. Она понимала, что репутация их семьи пострадает, и, учитывая, что у Цюй Хэ были связи, она должна была направить общественное мнение в нужное русло, подчеркивая невиновность их семьи и выставляя Цюй Хэ и его компанию в негативном свете.

Цюй Хэ уже не раз совершал грязные дела в их деревне, но, благодаря своему дяде, командиру батальона ополчения, и отцу, главе производственной бригады, люди боялись открыто выражать своё недовольство. Пока никто не знал, что именно Цюй Хэ и его приятели были виновниками произошедшего. Мама Лян хотела создать определённое впечатление у людей, чтобы, когда правда выплывет наружу, их гнев был ещё сильнее, что было бы выгодно для их семьи.

Успокоив стариков, мама Лян вместе с папой Лян отправилась благодарить всех, кто помогал. Старая тётя Лян осталась присматривать за детьми и стариками, а старший дядя Лян пошёл обсуждать дальнейшие действия с главой бригады. Третий дядя Лян и третья тётя Лян были молчаливы, а мама Лян, хотя и давно не участвовала в общественной жизни, быстро вернулась в строй. Она тепло общалась с людьми, выражая свою благодарность, не говоря плохого о Цюй Хэ, но вскользь упоминая, как их девочки всегда были послушными и милыми, а Лян Чунь — несчастным ребенком.

Мама Лян и папа Лян прошли по всем гостям, и мнение о их семье снова улучшилось. Дедушка Лян был уважаемым человеком, а виновники — ненавистными хулиганами, поэтому люди в основном сочувствовали их семье, лишь иногда завидуя их заметности, но без злорадства.

Когда мама Лян и папа Лян закончили благодарить людей, старший дядя Лян уже обсудил всё с главой бригады. Поскольку старший дядя Лян был родственником пострадавших, ему предстояло разбираться с коммуной, и здесь важно было не привлекать лишнего внимания. Кроме того, ради репутации деревни и девочек, они не могли прямо обвинять хулиганов в изнасиловании, а только в побоях и издевательствах.

Когда всё было обсуждено, и фильм закончился, старший дядя Лян дал свисток, чтобы все собрались и отправились домой. Хулиганов, связанных по рукам и ногам, временно поместили в коровник.

— Лян Цзивэнь, зачем тебе это лекарство?

Когда все уже спали, Чжань Цзюцзян шепотом спросил это на ухо Лян Цзивэню. Вернувшись домой поздно, дедушка Чжань отправил Чжань Цзюцзяна с лекарством, и дедушка Лян позволил ему остаться ночевать с Лян Цзивэнем.

— Не волнуйся, у моего деда нюх не такой чуткий, как у меня, он ничего не учует, — добавил Чжань Цзюцзян.

Лян Цзивэнь подумал и честно ответил:

— Вызывает зуд и боль по всему телу.

Он действительно не ожидал, что Чжань Цзюцзян доверит ему лекарство.

— У тебя ещё есть?

Чжань Цзюцзян слегка приподнялся, его глаза блестели. Ему было всё равно, откуда у Лян Цзивэня это лекарство, главное, что он был его другом.

Из-за движения Чжань Цзюцзяна одеяло приоткрылось, и холодный воздух проник внутрь. Лян Цзию, кряхтя, подвинулся ниже.

Лян Цзивэнь обнял его, потрепал по щеке и с улыбкой сказал:

— Есть, сколько угодно.

Чжань Цзюцзян отстранил его руку, уткнулся лицом в его шею, щека касалась уха, и тихо прошептал:

— Ты слишком неосторожен. Если ему станет плохо, все сразу подумают на тебя. Он не спросил, откуда у Лян Цзивэня лекарство, а с энтузиазмом предложил:

— Я помогу тебе приготовить микстуру так, чтобы действие началось через пару дней. Тогда точно никто ничего не заподозрит.

— Хорошо, — согласился Лян Цзивэнь, не сказав, что в этом нет необходимости.

Чжань Цзюцзян сам не понимал, почему так радуется, но, закатившись в объятия Лян Цзивэня, начал глупо смеяться.

Лян Цзивэнь обнял его, мягко похлопывая по спине, и вскоре мягкое тельце в его руках начало ровно дышать, выдыхая тепло ему в лицо. Благодаря Чжань Цзюцзяну, настроение Лян Цзивэня немного улучшилось, и он задумался о том, что пора быстрее начать обучать всю семью боевым искусствам. Даже если они не станут мастерами, они хотя бы не будут беззащитны в подобных ситуациях.

В следующие несколько дней Лян Цзивэнь и его братья не ходили в горы. Участок с картофелем был уже обработан, и, хотя состояние Лян Сысы и Лян Тин улучшилось, они всё ещё переживали. Когда взрослые были заняты, Лян Цзивэнь занимал детей играми. Чтобы развлечь их дома, он придумал множество игр, включая улучшенную версию «Кто я?». В неё играли не только Лян Сысы и Лян Тин, но и друзья Лян Цзию. Лян Чунь, закончив свои дела, тоже присоединилась. Постепенно Лян Сысы и Лян Тин начали приходить в себя, и на их лицах снова появились улыбки.

Дети шумно резвились в комнате, а бабушка Лян специально подготовила для них помещение, поставила жаровню и сделала комнату тёплой и уютной.

Лян Цзию в центре комнаты корчил рожи и жестикулировал, а Чжань Цзюцзян никак не мог угадать, что он изображает, и использовал карту помощи. Лян Цзивэнь тоже не смог угадать, и

Лян Цзию начал нервничать, пока победа не досталась Лян Сысы и Лян Цзиго. Чжань Цзюцзян надулся и, недовольный, прижался к Лян Цзивэню, требуя поменяться местами. Он хотел быть в команде с Лян Цзивэнем.

Лян Цзию был не рад, но согласился. Он встал в команду с Лян Сысы, Лян Цзивэнь — с Лян Цзиго, а Лян Тин стала судьёй и задавала вопросы.

<http://bllate.org/book/16557/1510806>